

Ки Куяр Можери против Франции

[Ky Couillard Maugery – France] (№ 64796/01)

Постановление от 1 июля 2004 г. [вынесено I Секцией]

Обстоятельства дела

Заявительнице с трудом давалось воспитание ее маленького сына, брошенного отцом, а позже и дочери, которая в период времени, фигурирующий по делу, была совсем мала. В результате в отношении ее сына шести с половиной лет в 1994 году было издано распоряжение о передаче под опеку учреждения социальной защиты. Аналогичное предписание в отношении дочери, которой было всего несколько месяцев, было издано в 1995 году. Действие этих предписаний об установлении опеки учреждения социальной защиты над детьми ежегодно продлевались на основе судебных решений, эти решения содержали новые оценки необходимости такого продления и указания на меры, которые надлежало принять властям для постепенного восстановления связи детей со своей матерью.

В отчетах и заключениях экспертизы, готовившихся по поручению судебных властей, указывалось, что поведение матери не отвечает интересам детей – в нескольких случаях они даже отказывались от свиданий с ней или проявляли признаки душевных страданий после состоявшихся встреч или контактов с ней. Принимая во внимание и личность матери и ее, вызывающее беспокойство поведение, интересы двух детей и необходимость оградить их здоровье и сбалансированность детской психологии, судебные власти наделяли заявительницу правом регламентированных свиданий с детьми, правом временами проживать с ними и временным правом на телефонные и письменные контакты; права эти регламентировались по-разному, в зависимости от ситуации на момент вынесения каждого решения о возобновлении опеки учреждения социальной защиты над детьми. Иногда права матери на свидания с детьми временно приостанавливались на определенные промежутки времени, в особенности, когда властям поступали просьбы на сей счет от ее сына.

По поводу Статьи 8 Конвенции. Акт вмешательства государства в реализацию прав заявительницы и ее двух детей на «семейную жизнь», предусматривавшийся законом, преследовал законную цель как в смысле норм законодательства страны, так и в смысле мотивов, которыми руководствовались суды страны, а именно – соображениями охраны прав и свобод ребенка.

Что же касается вопроса о «необходимости» издания в демократическом обществе распоряжений о помещении детей заявительницы под опеку учреждения социальной защиты, то Европейский Суд считает: разные суды выносили свои суждения на весьма последовательной основе, принимая решения, которые были тщательно и детально мотивированы и принимали во внимание разнообразные элементы текущей ситуации и развития событий. Приняв это за установленный факт, а

также ввиду явно важнейшего преимущества для детей той ситуации, при которой они находятся в окружении, гарантирующем наилучшие условия для их развития, Европейский Суд считает, что принятие властями распоряжений об установлении над детьми заявительницы опеки учреждения социальной защиты не противоречит требованиям Статьи 8 Конвенции.

Что же касается вопроса о «необходимости» в демократическом обществе возложения ограничений на свидания и контакты заявительницы со своими детьми, то Европейский Суд считает: с регулярной периодичностью на протяжении нескольких лет судами принимались решения, основанные на оценках ситуации, которые давались специалистами – психологами и психиатрами; суды при вынесении решений принимали во внимание большое количество представлявшихся им докладов служб социальной защиты, а также чувства озабоченности и пожелания, высказывавшиеся самими детьми. Службы социальной защиты постоянно проявляли внимание к интересам и благополучию детей и делали заявительнице различные предложения касательно условий, которые давали ей возможность видеться с детьми.

Ряд свиданий или контактов матери с детьми сорвался по причинам, которые могут быть поставлены в вину самой заявительнице; она к тому же отвергала различные, предлагавшиеся ей учреждением социальной защиты формы содействия и проявляла неприкрытую враждебность по отношению к социальным работникам. Отсутствие у матери желания сотрудничать с властями не было абсолютно решающим фактором развития событий по делу, поскольку таковое нежелание не освобождало власти от обязанности принимать такие меры, которые они считали подходящими для поддержания семейных связей матери и детей. Тем не менее, необходимо лишь отметить, что в настоящем деле, затронувшем особо сложную и деликатную – с точки зрения психологических и психиатрических факторов – семейную ситуацию, соответствующие власти приложили все усилия, которые разумно можно было ожидать от них в деле поддержания семейных связей матери и детей, и именно эту цель они постоянно имели в виду.

Власти инициировали проведение точного и скрупулезного анализа опасностей, стоявших перед детьми, здоровье, безопасность и нормальное воспитание которых могли оказаться под угрозой. Коротко говоря, власти предприняли все меры, которые разумно можно было ожидать от них в деле сохранения семейных связей матери и детей, с тем, чтобы заявительница и ее дети могли бы воссоединиться. Кроме того, их семейные связи не разрушились, поскольку за прошедшие годы мать и двое детей стали ближе друг другу.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что по делу требования Статьи 8 Конвенции нарушены не были (принято единогласно).
